

Научная статья
УДК 343.01
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-42-46

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, shavekonikolai@gmail.com

*Институт философии и права УрО РАН
Российская Федерация, 426034, Ижевск, ул. Ломоносова, д. 5*

К вопросу о причинах отмены телесных наказаний

Аннотация: Автором анализируются причины повсеместной отмены телесных наказаний, в основном на протяжении XIX–XX вв. Обосновывается тезис, что появление телесных наказаний и смертной казни происходит одновременно и по одинаковым причинам, связанным с усилением государственной власти и узурпацией ею полномочий решать вопросы жизни и смерти. Далее делается вывод, что существуют три главных довода против телесных наказаний: неэффективность, несправедливость, негуманность. Проводятся аналогии с доводами против смертной казни. Кроме того, отмечается связь тенденции к отмене телесных наказаний и смертной казни со стремлением ограничить злоупотребления государственной власти. Вместе с тем выявляется особая нормативная роль уголовно-правового принципа гуманизма, а также особое понимание человеческого достоинства, к которому отсылает данный принцип. Утверждается, что значение человеческого достоинства в контексте уголовно-правового принципа гуманизма не совпадает с тем значением, в котором упоминается человеческое достоинство в других правовых нормах и к которому отсылают политические философы. В результате делается вывод, что гуманизм как особое отношение к человеческому телу не имеет прямой связи с критериями справедливого наказания.

Ключевые слова: телесные наказания, членовредительские наказания, смертная казнь, экономия уголовно-правовой репрессии, гуманизм, справедливость, наказание

Для цитирования: Шавеко Н. А. К вопросу о причинах отмены телесных наказаний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 42–46; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-42-46.

Nikolai A. Shaveko

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, shavekonikolai@gmail.com

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
5, Lomonosov str., Izhevsk, 426034, Russian Federation*

Why corporal punishment was abolished?

Abstract: The author analyzes reasons for the widespread abolition of corporal punishment, which took place mainly during the 19th-20th centuries. The work lays grounds to the hypothesis that the appearance of corporal punishment and the death penalty occurs simultaneously and for the same reasons associated with the strengthening of state and its usurpation of power to resolve issues of life and death. Drawing analogies from the death penalty discourse, the author concludes that there are three main arguments against corporal punishment: inefficiency, injustice, inhumanity. In addition, the author assumes that there exists a link between the trend towards the abolition of both the corporal punishment and the death penalty, and the desire to limit the abuse of state power. At the same time, author reveals a special normative role of the criminal law principle of humanism, as well as a distinct meaning of human dignity to which this principle refers. The meaning of human dignity in the context of the criminal law principle of humanism does not coincide with the meaning which is given to human dignity in other legal norms, as well as in the works of political philosophers. As a result, humanism understood in a context of a special relation to the human body has no direct connection to the criteria of the just punishment.

Keywords: corporal punishment, death penalty, cost of punishment, humanism, justice, punishment

For citation: Shaveko N. A. Why corporal punishment was abolished? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 42–46; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-42-46.

Введение

В современных западных обществах, равно как и в российском обществе, попытки найти аргументы против телесных уголовных наказаний уже не являются актуальными. В большинстве западноевропейских стран такие наказания были отменены в течение XIX века, в Российской империи окончательно это произошло в начале XX столетия. Вместе с тем общественные дискуссии о допустимости телесных наказаний не прекратились полностью, а лишь переместились в область школьного и внутрисемейного воспитания (кроме того, телесные наказания сохраняются в уголовном праве многих мусульманских стран). Так или иначе, подобно смертной казни, телесные наказания (даже в качестве формы воспитания детей) постепенно теряли свою популярность и ограничивались в течение XIX–XX вв. Чем же тогда может быть сегодня актуально обращение к данной теме? На наш взгляд, о телесных наказаниях полезно задуматься хотя бы для того, чтобы прояснить ценности, которые стоят за массовым неприятием данных наказаний. Такому прояснению ценностей и будет посвящена данная статья.

Сегодня множество научных исследований обосновывают тезис о неэффективности телесных наказаний детей. Общественность же чаще апеллирует к неправильности физического насилия как такового. Таким образом, мы имеем два тезиса – о неэффективности и негуманности. Заметим, что это аргументы против телесных наказаний в принципе совпадают с аргументами против смертной казни. Так, о неэффективности говорят и в отношении смертной казни, и в отношении телесных наказаний. Кроме того, имеется некоторое сходство между принципом гуманности, направленным на избежание физических страданий, и принципом приоритета человеческой жизни, исключающим смертную казнь. Существует ещё и третий тезис, также совпадающий для смертной казни и телесных наказаний – это тезис о несправедливости. Дело в том, что как приговоры к смертной казни, так и приговоры к телесным наказаниям не могут быть пересмотрены после исполнения наказания, а кроме того, не всегда соответствуют принципу экономии средств уголовно-правовой репрессии.

Исторический экскурс

Поскольку доводы против телесных наказаний и против смертной казни схожи, нас не должно удивлять, что отмена и телесных наказаний, и смертной казни происходила повсеместно в одно и то же время, а именно на протяжении XIX–XX вв., причём во многом на фоне стремления ограничить государственные полномочия и утвердить идеал правового государства.

Но что более интересно, появление телесных наказаний и смертной казни также происходит одновременно и по одинаковым причинам. Рассмотрим подробнее данный тезис на примере отечественной истории.

Так, Русская Правда – главный правовой памятник Киевской Руси – не знает смертной казни. Повесть временных лет упоминает лишь то, что Владимир ввёл смертную казнь за «разбой» (умышленное убийство) по совету церковнослужителей, но очень скоро изменил своё решение. Соответствующий отрывок получил противоречивые толкования в научной литературе [4]. Конечно, существовавшие в Киевской Руси кровная месть, судебный поединок (поле), ордалии, а также такое специфическое наказание, как «поток и разграбление», часто приводили к смерти виновного. Однако о смертной казни говорить всё же не приходится, так как наказание исходило не от государства. Точно так же Русская Правда практически не знает телесных наказаний. Она лишь упоминает о возможности ударить мечом того, кто первый нанёс удар, о возможности господина бить закупа, но лишь «про дело», а также о возможности бить холопа, ударившего свободного человека (но это последнее наказание может быть заменено компенсацией морального вреда – «взяти гривна кунъ за соромъ»¹). Как справедливо указывается в научной литературе, в подобных случаях «речь ещё не идёт о настоящем уголовном наказании» [7, с. 185]. Действительно, снова наказание пока что исходит не от государства. Однако другие исследователи обращают внимание на многочисленные летописные примеры телесных наказаний, а также на статьи Русской Правды, которые запрещают мучить смерда «безъ княжа слова»² (не означает ли это, что по княжескому слову мучения все же могли иметь место?) [3, с. 18–19]. Так или иначе, если телесные наказания и существовали в Киевской Руси, чего утверждать мы достоверно не можем, то они были неразвиты. По всей видимости, и в отношении телесных наказаний, и в отношении смертной казни действовали одни и те же причины, а именно слабость публичной власти, отсутствие у неё полномочий на решение таких вопросов.

Первым правовым памятником, официально предусматривающим телесное наказание (в данном случае клеймение), исходящее от государства, является Двинская уставная грамота 1397 г. – та самая, которая впервые официально устанавливает и смертную казнь. Далее, подобно смертной казни, телесные наказания расширяют сферу своего применения и становятся всё более разнообразными. Это сопровождается изменением представлений о самом преступлении: теперь это не просто «обида» (частного лица), но и «лихое дело» (имеющее общественную опасность) – термин, встречающийся в Псковской судной грамоте 1467 г. и Судебнике 1497 г. Таким образом, появление телесных наказаний, подоб-

¹ Русская правда (Пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 506–508.

² Там же. – С. 494, 508.

но появлению смертной казни, прямо связано с усилением государственного аппарата и его роли в регулировании общественных отношений, что сопровождалось усилением социального неравенства и классовой борьбы [6, с. 23]. Князь должен был стать как минимум «отцом» для своего народа, чтобы ему было позволено покушаться на тела своих подданных, хотя сами по себе эти тела не были неприкосновенными изначально.

Как представляется, возвышение института государства изменило и сам смысл наказаний. Кровная месть была именно мезтью, возмездием членов враждующих и ничем не связанных родов. Представления об обществе в современном смысле в период военной демократии и раннефеодальной монархии отсутствовали, ведь объединение под началом княжеской власти имело лишь военно-оборонительное, а не экономическое или культурное значение. Со временем функции публичной власти возрастали, в результате появилось и представление о всестороннем единстве – обществе. Пока оно не было национальным государством, но не было это уже и простой совокупностью соседствующих и иногда сотрудничающих друг с другом племён. Соответственно возникло представление о государстве как об институте, охраняющем некий в той или иной степени взаимовыгодный общественный порядок. Первоначально, устанавливая систему наказаний, государство заимствовало мстительную логику талиона. Правда, в соответствии с новыми реалиями эквивалентное воздаяние (в т. ч. в виде смертной казни и телесных наказаний) мыслилось теперь не столько мезтью, сколько наиболее оптимальным средством устрашения (превенции). По этому принципу талиона уже не следовали строго, ибо преобладающим принципом стало устрашение, в своей кульминации означающее церемониальную публичную демонстрацию недопустимости посягательства на абсолютную власть монарха. Однако последняя не сразу стала абсолютной, поэтому наказание воспринималось всё же не столько как посягательство на монарха, сколько как посягательство на сам государственно-властный порядок. И в последующем самодержцы сами стремились создать «регулярное государство», основанное на твёрдости закона, а не на изменчивом своеволии. Таким образом, понимание наказания как воздаяния в Средние века сменяется пониманием его как гаранта определённого общественного порядка, и это же понимание сохраняется в Новое Время. В этой связи кажется натянутой точка зрения М. Фуко на средневековые жестокости как на месть преступнику со стороны государя – чувство или долг / принцип мести, существующие в душе последнего, если и играли какую-то роль, то лишь второстепенную.

В свою очередь идея ограничения телесных наказаний, как представляется, могла возникнуть в Новое Время по двум причинам: 1) борь-

ба народных масс с деспотичной государственной властью, закрепившей, рьяно охранявшей и со временем усиливавшей тесно связанное с ней социальное неравенство (оспаривались при этом не сами телесные наказания, а доведённая до абсолюта воля монарха и применение уголовной репрессии в нарушение личных и политических прав человека); 2) осознание самим государством, дошедшим уже до крайней жестокости, ограниченной эффективности телесных наказаний, стремлением государства надзирать, а не наказывать (Ч. Беккариа, например, пытался лишь продемонстрировать неразумность чрезмерно жестоких наказаний с точки зрения общей и частной превенции [1, с. 162–166]; аналогичная позиция у Фуко [9, с. 93–95], а Ш. Монтескье ссылаясь на практику, которая показала, что «в странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина не менее сильное впечатление, чем самые жестокие наказания – в других странах» [5, с. 80]). Впрочем, мыслителями высказывалось и другая причина, не связанная с интересами конкретных социальных групп, а имеющая непосредственное отношение к самой теории справедливости: невозможность отменить, «вернуть вспять» несправедливо наложенное телесное наказание [2, с. 255–256]. И всё же, чтобы телесные наказания были не только ограничены в своей жестокости, но и полностью устранены, требовалась дополнительная причина, а именно, изменение отношения к человеческому телу как к таковому.

Дело не только и не столько в том, как думает Фуко, что вместо тела власть с целью повышения эффективности наказания начала воздействовать на душу человека, отсюда и «родилась тюрьма». Ведь на душу можно воздействовать и телесными наказаниями, что власть и делала во все времена (представления человека о «душе» вообще одни из самых древних и родились отнюдь не в эпоху Просвещения). Стали неэффективны публичные наказания? Но можно наказывать тело и непублично: «Каторжные работы никогда не демонстрировались, и всё-таки люди представляли себе, что это такое» [8]. Имеется риск злоупотребления со стороны исполнителей? Но над последними можно установить строгий контроль. Телесные наказания кажутся чрезмерно жестокими? Но их жестокость можно регулировать (например, ограничить количество ударов кнутом или сделать сам кнут менее болезненным, либо прибегать к не болезненным телесным наказаниям, таким как членовредительство под анестезией). Физически увечные люди – обуза для общества? Но далеко не каждое физическое увечье лишает человека возможности содержать самого себя, тем более сегодня труд носит, как правило, интеллектуальный характер. Конечно, сам довод о неэффективности телесных наказаний остаётся и после всего сказанного, но отнюдь не в контексте противопоставления души и тела, как это имеет место у Фуко.

Идея гуманизма

Ключевым фактором отмены телесных наказаний методом исключения оказываются, помимо осознания самим государством их неэффективности, идеи гуманизма (см., напр., ст. 7 УК РФ). Здесь следует отметить, что гуманизм как уголовно-правовой принцип имеет два аспекта, первый из которых заключается в экономии средств уголовно-правовой репрессии, являясь логичным следствием теории справедливого наказания, а второй состоит в особых представлениях о человеческом достоинстве, не допускающих физических страданий. Очевидно, что в отмене телесных наказаний решающую роль сыграл второй аспект. Не случайно телесные наказания первоначально отменялись лишь в отношении благородных сословий, для которых честь была одной из главных ценностей. Крушение сословной системы стало причиной того, что защищаться стали честь и достоинство каждого человека. Физические страдания вступили в противоречия с новыми идеями. А это означает, что Фуко неправ, когда полагает, что ссылок на гуманизм учёные лишь отмахнулись от проблемы поиска причин отмены телесных наказаний; нет, именно гуманизм и был одной из главных таких причин. Сегодня во многих странах мира применяется принудительная химическая кастрация педофилов: безболезненное воздействие на тело вызывает гораздо меньше возражений, и в случае принудительного лечения общественно опасных сексуальных отклонений может быть отождествлено с привычными методами химиотерапии. То же самое можно сказать и применительно к животным: стерилизация и кастрация, совершаемые под анестезией, безболезненный убой скота – допускаются и приветствуются, жестокое обращение с животными – в один случаях – наказывается (ст. 5.7 КоАП г. Москвы, ст. 245 УК РФ), в других, по крайней мере, вызывает протесты зоозащитников. Иными словами, неприятие физических страданий – вот одна из главных причин отмены телесных наказаний. (Особое отношение к телу проявляется не только в виде осуждения преднамеренного причинения физических страданий, но и в некотором консерватизме нравов, который не допускает даже безболезненное негативное воздействие на тело.)

Это новое отношение к телу с трудом сочетается с современными представлениями и теории справедливости, которые отсылают к свободе и равенству, реже к братству, но едва ли примеряют данные понятия к суждениям о видах уголовных наказаний. Отчасти это обусловлено тем, что дискуссии о допустимости телесных наказаний сегодня практически неактуальны, отчасти – ограниченностью самой теории. Конечно, мыслители говорят о человеческом достоинстве, это же понятие фигурирует в важнейших международных правовых доку-

ментах, ограничивающих телесные наказания, но определения человеческого достоинства, как правило, слабо соотносятся с недопустимостью телесных наказаний. Так, понятие человеческого достоинства обычно имеет некоторую двойственность: с одной стороны, человек обладает свободой воли, способен делать выбор между добром и злом, и в этом состоит его достоинство, с другой же стороны, достойным человеком называют только такого, который делает выбор в пользу добра [10, с. 310–313]. Данная двойственность понятия человеческого достоинства выражается и в правовых нормах. Так, унижением человеческого достоинства считается, с одной стороны, отрицание за человеком как моральным существом возможности свободного выбора, самореализации и всестороннего развития (см. напр., ст. 7, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, преамбулу, ст. 1, 5, 22, 23 Всеобщей декларации прав человека), с другой стороны, действие, которое даёт необоснованный повод усомниться в соответствии морального облика конкретного человека принятым в обществе стандартам (ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 128¹ УК РФ, ст. 152 ГК РФ). Но как сказанное соотносится с пониманием телесных наказаний как унижающих человеческое достоинство? Ведь членовредительское или иное болевое наказание само по себе не отрицает человека как рационального агента и не является оскорбительным суждением о нравственных качествах человека. Гораздо больше вопросов в этом отношении вызывают всё ещё существующие смертная казнь и её главная альтернатива – пожизненное тюремное заключение: оба этих наказания, в отличие от наказаний телесных, полностью лишают человека возможности распоряжаться своей жизнью, и в этом плане противны его достоинству в том понимании, которое отстаивают западные теории прав человека.

Заключение

С учётом изложенного следует признать, что главной идеологической причиной отмены телесных наказаний стал аспект уголовно-правового принципа гуманизма и то понимание гуманизма, которое весьма слабо связано с представлениями о справедливости. Что касается аргументов против телесных наказаний, которые связаны с ней, то таковыми являются, как и в случае со смертной казнью: возможность судебной ошибки, неисправимого злоупотребления властью, несоответствие принципу экономии средств уголовно-правовой репрессии, а также неэффективность соответствующего вида наказания (сложно назвать справедливым наказание, которое не достигает своей цели). Однако аргумент о негуманности стоит явно особняком, не имея прямого отношения к общим идеалам свободы, равенства и братства, являясь «особой» ценностью, применимой исключительно к телесным и т. п. наказаниям.

Список литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – Москва: Стелс, 1995. – 304 с.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – Москва: Росспэн, 1998. – 416 с.
3. Евреинов Н. Н. История телесных наказаний в России. – Белгород: Пилигрим, 1994. – 235 с.
4. Жильцов С. В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в её применении // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 47–52.
5. Монтескье Ш. О духе законов. – Москва: Мысль, 1999. – 674 с.
6. Размахов К. Е. Болезненные телесные наказания в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 22–24.
7. Размахов К. Е. Телесные наказания в Российском государстве допетровского периода // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 184–189.
8. Соловьев Э. Ю. Переосмысление талиона. Карательная справедливость и юридический гуманизм // Новый мир. – 2004. – № 1. – С. 123–142.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
10. Шавеко Н. А. О правах и достоинстве человека // Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария : монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. – Москва: Проспект, 2020. – С. 308–320.

References

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. – Moskva: Stels, 1995. – 304 s.
2. Bentam I. Vvedeniye v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva. – Moskva: ROSSPEN, 1998. – 416 s.
3. Yevreinov N. N. Istoriya telesnykh nakazaniy v Rossii. – Belgorod: Piligrim, 1994. – 235 s.
4. Zhil'tsov S. V. Smertnaya kazn' v prave Drevney Rusi i yurisdiksiya Velikogo knyazya v yeye primeneniі // Pravovedeniye. – 1997. – №4. – S. 47–52.
5. Montesk'ye Sh. O dukhe zakonov. – Moskva: Mysl', 1999. – 674 s.
6. Razmakhov K. Ye. Boleznennyye telesnyye nakazaniya v rossiyskom ugovnom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 9. – S. 22–24.
7. Razmakhov K. Ye. Telesnyye nakazaniya v Rossiyskom gosudarstve dopetrovskogo perioda // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2018. – № 4 (48). – S. 184–189.
8. Solov'yev E. Yu. Pereosmysleniye taliona. Karatel'naya spravedlivost' i yuridicheskiy gumanizm // Novyy Mir. – № 1. – 2004. – S. 123–142.
9. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my. – Moskva: Ad Marginem, 1999. – 480 s.
10. Shaveko N. A. O pravakh i dostoinstve cheloveka // Yuridicheskaya nauka v sovremennom mire: Rossiya i Bolgariya : monografiya / pod obshch. red. Ye. A. Frolovoy. – Moskva: Prospekt, 2020. – С. 308–320.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 04.04.2022.

The article was submitted June 07, 2021; approved after reviewing March 31, 2021; accepted for publication April 04, 2022.